
Игорь САВЕЛЬЗОН

**ТАК ЧЕМ ЖЕ ВАЛЬДШНЕПЫ ПОХОЖИ
НА ВАЛЛЕНШТЕЙНА?**

Об одном непрочитанном пушкинском каламбуре

Аннотация. Статья определяет и описывает доселе не прочитанный и сложно организованный каламбур из письма Пушкина в Оренбург 1835 года. Слова «вальшнепы» и «Валленштейн» связаны не только фонетически: жест охотника-рассказчика уподоблен предсмертному жесту А. фон Валленштейна.

Ключевые слова: А. Пушкин, В. Даль, В. Перовский, Ф. Шиллер, А. фон Валленштейн, «Смерть Валленштейна», «История тридцатилетней войны», Оренбург, каламбур, метризованная проза.

Весной 1835 года, через полтора года после возвращения из поездки по местам Пугачевского восстания, Пушкин отправляет в Оренбург четыре экземпляра вышедшей «Истории Пугачевского бунта», прилагая их к письму военному губернатору В. Перовскому:

Игорь Вильямович САВЕЛЬЗОН, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, журналистики и методики преподавания литературы филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов — современная русская литература, литературное краеведение Оренбуржья. Email: merkaztarbut@mail.ru.

Из Петербурга в Оренбург. Посылаю тебе Историю Пугачева в память прогулки нашей в Берды; и еще 3 экзempl.<яра>, Далю, Покотилу и тому охотнику, что вальшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем. Жалею, что в П.<етер>Б.<урге> удалось нам встретиться только на бале. До свидания, в степях или над Уралом. А. П.¹ [Пушкин: XVI, 22]

В этих кратких строчках выделяются три слова — «вальшнепы», «Валленштейн» и «Кесарь»; будучи все иноязычными по происхождению, они образуют некое стилевое, а тогда, скорее всего, и образное, и смысловое единство. Именно к тому, что имел в виду Пушкин в этих словах, каким смыслом их связал и для чего рядоположил, мы обратимся в настоящей статье.

1

О том, кто был этим «охотником», написано много и убедительно — установление личности инженер-капитана, директора оренбургского Неплюевского военного училища Константина Демьяновича Артюхова не вызвало ни затруднений, ни споров². Подробно о нем рассказал, вводя в научный обиход «письмо поэта, доньне неизвестное», и публикатор этого письма, Б. Модзалевский, в 1922 году. Оно было найдено «в той части архива Даля, которая в 1919 г. поступила в Пушкинский Дом» [Модзалевский 1922: 20]. В этой работе производилась и датировка письма Пушкина к Перовскому: «...можно думать, что отправка книг и письма произошла не ранее весны 1835 г., напр., апреля месяца»; «Более точно датировать письмо, к сожалению, не удается» [Модзалевский 1922: 20].

¹ По другой версии, это письмо послужило сопроводительной запиской к книгам, пересылаемым Перовскому в Петербурге, см.: [Пушкин... 257].

² См. об Артюхове в современных исследованиях: [Матвиевская: 25–27], [Семенов, Семенова: 97–101].

Встреча Пушкина с Артюховым произошла вечером 18 сентября 1833 года в Оренбурге, нам известно о ней по «Запискам о Пушкине» В. Даля.

Вот их текст³:

В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику. В передбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрасивая Пушкина ради первого знакомства откусать пива или меду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя на расписной передбанник, завел речь об охоте. «Вы охотитесь, стреляете?» — «Как же-с, понемножку занимаемся и этим; не одному долгоносому довелось успокоиться в нашей сумке». — «Что же вы стреляете — уток?» — «Уто-ок-с?» — спросил тот, вытянувшись и бросив какой-то сострадательный взгляд. — «Что же? разве вы уток не стреляете?» — «Помилуйте-с, кто будет стрелять эту падаль! Это какая-то гадкая старуха, валяется в грязи — ударишь ее по загривку, она свалится боком, как топор с полки⁴, бьется, валяется в грязи, кувыркается... тьфу!» — «Так что же вы стреляете?» — «Нет-с, не уток. Вот как выйдешь в чистую рощицу, как запустишь своего Фингала, — а он нюх-нюх направо — нюх налево, — и стойку: вытянулся как на пружине — одеревенел, сударь, одеревенел, окаменел! Пиль, Фингал! Как свечка, загорелся, столбом взвился...» — «Кто, кто?» — перебил Пушкин с величайшим вниманием и участием. «Кто-с? разумеется кто: слука, вальдшнеп. Тут царап его по сарафану... А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врознь, как на кресте), — а он только раскинет крылья, головку набок — замрет на воздухе, умирая как Брут!»⁵

³ С некоторыми разночтениями «Записки...» приводит и Б. Модзалевский в «Новинках пушкинского текста».

⁴ В названной работе Б. Модзалевского — «с палки».

⁵ Артюхов выразил общее для охотников восхищение вальдшнепом как объектом охоты. Приведем мнение другого, более известного оренбургского охотника XIX века, С. Аксакова: «Вальдшнеп, бес-

Пушкин расхохотался и, прислав ему через год на память «Историю Пугачевского бунта», написал:

«Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валленштейном» [*Из неизданных...* 65–66].

Несколько мемуарных абзацев из книги военного историка Н. Иванова⁶, в 1833 году — кадета оренбургского Неплюевского военного училища, по-видимому тоже при той встрече бывшего, неоднократно были уличены в неточностях, домыслах и слабом понимании происшедшего перед его глазами; достоверным свидетельством они считаться не могут и нами цитироваться не будут.

Мы ставим перед этой статьей задачу реконструкции смысла и построения пушкинского каламбура исходя из двух текстов — его письма Перовскому и «Записок» В. Далея. Пушкинская шутка в письме Перовскому есть конечный пункт эстафеты смыслов: Артюхов — монолог (речь, жесты) — вальдшнеп — смерть — величественность — Валленштейн — Пушкин. При передаче информации велик риск ее искажения — в точности как в краткой притче из далековского же сборника «Пословицы русского народа»:

Знает толк, как слепой знает белое молоко, пощупав гуся. (Вожатый похвалился, что похлебал молока. «А какое оно?» — спросил слепой. — «Сладкое да белое». — «А что такое белое?» — «Как гусь». — «А что такое гусь?» — Вожатый согнул руку костылем: — «Вот такой». Слепой пощупал и понял, что такое молоко.) [Даль 1862: 491]

прекословно, превосходнейшая, первая дичь во всех отношениях; он даже первенствует в благородном семействе бекасов, к которому принадлежит по отличному вкусу своего мяса, по сходству с ним в пестроте перьев, красоте больших черных глаз, быстроте и увертливости полета, по способу добывания пищи и даже по трудности стрельбы» [Аксаков: VI, 241]. Мнение это не изменилось и до наших дней: «Вальдшнепа нужно караулить, как невесту перед венцом, тогда и ухватишь кусочек счастья, если не будешь лениться ходить и ездить в лес каждый Божий день» [Бикмуллин: 53].

⁶ См.: [Иванов: 20–22].

Но в «Напутном» к этому сборнику сам Даль призвал предполагать наличие смысла в пословице и настойчиво к нему двигаться: «Не поняв пословицы, как это нередко случается, считаешь ее бессмыслицею, полагаешь, что она придумана кем-либо для шуток или искажена не исправимо и не решаешься принять ее: ан *дело право, только смотри прямо*» [Даль 1862: III].

2

Несмотря на яркую и очевидную каламбурность рядоположения в пушкинском письме слов «вальдшнепы», «Валленштейн» и «Кесарь», они, парадоксальным образом, еще не стали объектом целенаправленного осмысления и разгадки. Практически все комментарии к этому письму в различных изданиях либо ограничиваются установлением личности оренбургского «охотника» — К. Артюхова, либо добавляют сжатые сведения о герцоге А. фон Валленштейне, ясности в понимание каламбурного оборота не вносящие.

Вот редкая, если не единственная, попытка проникнуть «вглубь» этой фразы, восстановить организовавший ее смысл. Р. Овчинников в статье «...И тому охотнику» (кстати, тоже весьма подробно рассматривающей личность и биографию Артюхова) рассуждает так: Пушкину

запомнилось, что Артюхов сравнивал вальдшнепа с Валленштейном и с Кесарем — Юлием Цезарем. Упоминаемые Артюховым исторические деятели уходили из жизни не своей, как говорится, смертью⁷, были убиты, и каждый из них принял кончину мужественно и стоически. Сопоставление картины смерти подстреленного вальдшнепа с обстоятельствами

⁷ Сноска в статье Р. Овчинникова: «Исключая Брута, который кончил жизнь самоубийством». Добавим, что и Муций, получивший прозвище Сцевола — «левша» — за то, что сжег правую руку, был отпущен пораженным царем Порсеной, — отпущен живым, а значит, примером красивой смерти для вальдшнепа служить также не мог.

гибели Валленштейна, Юлия Цезаря и других знаменитых людей, названных Артюховым⁸, было настолько неожиданным и парадоксальным, что не могло не поразить Пушкина и не рассмешить его. И он надолго запомнил своеобразную «артюховскую» метафору, а при случае напомнил о ней своим приятелям по Оренбургу [Овчинников: 76].

Артистичный монолог «чрезвычайно забавного собеседника» Артюхова, каким-то образом вызвавший ответную шутливую оценку или описание «сравнивает вальшшнепов с Валленштейном или с Кесарем», был и в самом деле ярко комичен. Но в чем же, собственно, усматривается забавность такого сравнения, то есть какова природа уже пушкинского комизма? Нам представляется, что Пушкин не «напоминает при случае» о монологе Артюхова, но отвечает собственной шуткой.

Возможно было бы предположение о чисто фонетической основе каламбура — слова «вальшшнеп»⁹ и «Валенштейн/Валленштейн» начинаются с одного слога [вал'] с осязательным последующим [ш], и тогда комичен сам «охотник», путающий одно с другим, а каламбур — насмешка над ним. Однако в описании разговора Пушкина и Артюхова ни у Даля, ни даже у Иванова, демонстрирующего весьма свободную фантазию, ничего подобного этой фамилии не упоминается ни прямо, ни намеком. Как и когда он их «сравнил»?

Об этом эпизоде как об именно комическом Даль вспомнит еще и в рассказах «Болгарка» и «Охота на волков», употребляя тот же оном *Вал/леништейн*¹⁰ (и почему то трижды заменив пушкинское «охотнику» на «офицеру»,

⁸ Неточность: Артюхов в «Записках...», наименее беллетризованном далевском тексте, называет только имя Брут. Имена же других знаменитых людей введены в текст рассказа «Болгарка», скорее всего, самим их автором, Далем.

⁹ Пушкин написал это слово без буквы «д» — и, вероятно, произносил его соответственно написанию, с первым слогом [вал'ш].

¹⁰ При этом в обоих рассказах автор-повествователь о своем присутствии при беседе Пушкина и весельчака-охотника не упоминает.

а в 1860 году в рассказе П. Бартенева — на «майору», об этом ниже):

Собираясь помечтать в этом приятном положении и расположении, захохотал я почти вслух, вспомнив, как товарищ мой, которого выстрелы сыпались в отдалении, красноречиво уверял однажды дорогого петербургского гостя¹¹, который захотел к нам в Оренбург за пугачевщиной, уверял, что слюка или вальдшнеп, самая благородная птица на целом земном шаре, что она, будучи убита, не бьется и не трепещется в неприличных акробатических телодвижениях, а умирает как Брут, как Сцевола и Сусанин. К этому вспомнил я и ответ нашего незабвенного гостя, который прислал из Питера товарищу моему книжку свою о Пугачеве с замечанием: «тому офицеру который сравнивает вальдшнепа с Валленштейном»¹² [Даль: VII, 105—106].

...пошлые ничтожности выходили у него до того забавны, что даже Пушкин, познакомясь с ним в Оренбурге и попарившись у него в бане с расписанным охотой передбанником, прислал ему после своего Пугачева, но забыв прозвание его, написал: «Тому офицеру, который сравнивал вальдшнепа с Валенштейном» [Даль: IV, 331].

Ряд имен исторических деятелей, с которыми Артюхов сравнивал вальдшнепа, Даль варьировал в разных текстах. В художественных его текстах этот список может быть более цветистым или менее, а то и отсутствовать совсем: летом 1837 года в рассказе «Болгарка» он состоит из двух имен — Брута и Сократа, но в более поздних редакциях Брут останется, а Сократа заменят Сцевола и Сусанин. В другом же рассказе, «Охота на волков», вышедшем в 1866 году, в таком же воспоминании имен исторических деятелей не приводится вовсе.

¹¹ Сноска в рассказе В. Даля: «А. С. Пушкин».

¹² Здесь и далее авторская пунктуация при цитировании по этому изданию сохранена.

Для нас опорным и решающим является текст «Записок о Пушкине», созданный В. Далем в самом начале 1860-х, переданный П. Бартеневу и впервые опубликованный Н. Лернером. О причинах изменений ряда имен мы можем лишь предполагать, но бесспорно одно: ни Артюхов, ни Пушкин, ни кто-либо другой в вечер той встречи имени *Валленштейн* не произносили и не вспоминали; оно во всей этой истории появляется впервые и единственно в письме Пушкина. Поэтому следует идти по пути, которым шла пушкинская мысль. Пора рассмотреть возможные связи образа вальдшнепа, достойно принимающего смерть, с Валленштейном, заодно уточнив, кто это был.

3

Валленштейн, носивший титулы герцогов Фридланда, Сагана, Мекленбурга, князя Вендского, графа Шверина, владельца земель Ростока и Штаргарда, звания главнокомандующего имперской армией и адмирала Балтики и Океана-моря (чисто испанское звание), имел много печатей и шифров, которыми он заверял свои письма. Современники называли Валленштейна Альбрехтом Венцелем Евсевием фон Вальдштейном (Вальштейном, Валленштейном), затем герцогом Фридландским, наконец, имперским князем и герцогом Мекленбургским по мере пожалования ему титулов и званий, —

так очерчивает фигуру выдающегося полководца и политика Европы XVII века современный историк [Ивоин: 48].

Какие же черты образа этого исторического лица могли связать его в восприятии Пушкина с беседой в оренбургской бане? Памятуя рассказ охотника Артюхова, сосредоточим внимание не столько на бурной жизни Валленштейна, сколько, напротив, на обстоятельствах его смерти.

Практически все пишущие о кончине герцога Валленштейна подчеркивают то спокойствие, высокомерное и презрительное, с которым он встретил ворвавшихся в его

спальню убийц. Зачастую это спокойствие объясняют (особенно охотно — в популярных или бульварных изданиях) его познаниями в тайных науках, а то и точным предсказанием, содержавшимся в давно хранимом им гороскопе, составленном И. Кеплером.

Когда в спальню герцога Альбрехта фон Валленштейна ворвались убийцы, он отнюдь не удивился. Ему ли, всю жизнь доверявшему звездам больше, чем людям, не знать: планеты выстраиваются в линию — по одну сторону от Солнца Сатурн и Юпитер, а по другую — Меркурий и Венера. Значит, пришло время умереть. Гороскоп предсказал: при таком положении небесных светил Альбрехт должен встретить свою смерть... [Махун]

Это уже некоторый повод для того, чтобы сравнить его поведение с тем, как красиво и достойно, по мнению Артюхова, принимает смерть вальдшнеп. Но разгадка — глубже.

Трудно понять, почему Даль в «Записках о Пушкине» вводит в реплику Артюхова, живописующего величественную гибель вальдшнепа, имя Брута. Марк Юний Брут Цепион покончил жизнь самоубийством после одного из военных поражений, и параллели с вальдшнепом здесь, действительно, не может отыскаться никакой. Возникают лишь два объяснения: то ли Артюхов (в артистическом запале), то ли Даль (в «Болгарке» (1837), при записи слов, прозвучавших четырьмя годами ранее, а потом — и в двух художественных и одном мемуарном текстах, повторяя уже свое, а не Артюхова, слово) допустили ошибку, назвав имя убийцы вместо имени убитого.

Пушкин с детства зачитывался «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха¹³.

Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с об-

¹³ Об интересе Пушкина к трудам Плутарха см.: [Михайлова: 151].

наженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары [Плутарх. *Цезарь*: 200].

Удары уже сыпались градом, Цезарь, однако ж, все озираясь, ища пути к спасению, но, когда заметил, что оружие обнажает и Брут, разжал пальцы, сдавившие запястье Каски, накинул край тоги на голову и подставил тело под удары [Плутарх. *Брут*: 482—483].

Возникающее в рассказе «Болгарка» (первая публикация — 1837¹⁴) имя Сократа почти наверняка введено в воспоминания героя-рассказчика, очень близкого к автору, самим Далем. Впоследствии он даже сгустит краски, заменив «умирает, как Брут, как Сократ» на еще более живописное, с его точки зрения, обозначение «умирает, как Брут, как Сцевола и Сусанин». В художественном тексте он имел больше прав на личную интерпретацию воспоминаемых событий, нежели в «Записках о Пушкине», претендующих на документальность. Не забудем ряд существенных упреков, высказанных ему за неточность в «Записках...» Н. Лернером, Р. Овчинниковым и Д. Соколовым¹⁵, — перечислять и разбирать их не входит в задачу нашей статьи¹⁶.

Так или иначе, сам подбор имен Брута (даже вместо Цезаря), Сократа и Сусанина свидетельствует о главной мысли, которую — и в мемуарах, и в рассказах — посылает читателю Даль: Артюхов, получается, сравнивая вальдшнепа именно с этими историческими лицами, восхваляет птицу за величественность и гордое спокойствие, с которыми та встречает гибель. Муций же Сцевола стал олицетворением самообладания вне связи с семантикой

¹⁴ См.: [Луганский].

¹⁵ См.: [Соколов].

¹⁶ Так, например, Даль в «Записках о Пушкине» досадует на себя за то, что не успел рассказать Пушкину «еще пугачевщину» — сообщение о случае, бывшем с ним, Далем, в Уральске во время визита цесаревича Александра Николаевича (июнь 1837 года). Однако досада эта напрасна: Пушкин ушел из жизни почти полугодом ранее этого случая.

смерти. Значит, главными в понимании Даля — настоящего составителя этих рядов имен — были слова, описывающие *гордость и самообладание* принимающего смерть: «А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врознь, как на кресте), — а он только раскинет крылья, головку набок — замрет на воздухе, *умирая, как Брут!*» (здесь и далее курсив наш. — И. С.). К такому же выводу пришел и Р. Овчинников («каждый из них принял кончину *мужественно и стоически*» [Овчинников: 76]).

Итак, подбор имен в письме и в памяти Пушкина отличается от имен, приводимых Далем в разных вариациях (Брут, Сократ, Сусанин и Сцевола); имя *Вал/лленштейн* Даль приводит неизменно и лишь как названное — по необъясняемой причине — Пушкиным.

Это имя Даль бережно сохраняет и воспроизводит, но ни разу не объясняет и вопросом о нем, как и последующие исследователи, не задается. У Пушкина ясно звучат лишь Кесарь (Цезарь) и Валленштейн через два «л». Ни Брута, ни Сократа, ни Сусанина, ни Сцеволу в параллель с монологом Артюхова Пушкин не ставит. Его каламбур — ответ на комическое представление оренбургского охотника, отражение и продолжение монолога, пародирование пародии.

В мировую литературу образ Валленштейна вошел благодаря Ф. Шиллеру, чье имя «не только было хорошо известно в России первых лет XIX в., но и стало для русского читателя в первый ряд западноевропейских литературных деятелей» [Лотман 2001: 11].

Перу Шиллера принадлежит драматургическая трилогия, созданная в год рождения Пушкина, — «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» (1799). Эти пьесы в Европе и России сразу же сделались не просто предметом всеобщего обсуждения, но классикой, а имя этого полководца Тридцатилетней войны почти через два века после его смерти вернулось на уста европейцев — и россиян в том числе.

Два этапа намеченной нами эстафеты смыслов, кажется, смыкаются в драматургии Шиллера: имя *Валленштейн* и ситуация смерти.

Однако в трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна» нет сценического изображения заглавного события: оно,

к которому восходило действие трех пьес, выведено в минус-прием; зрителю предлагается самому нарисовать его в воображении. Седьмое явление пятого действия заканчивается ремаркой: «Перешагнув через труп¹⁷, убийцы идут по галерее. Слышно, как в отдалении одна за другой падают две двери. Глухой шум голосов, лязг оружия, потом внезапно мертвая тишина» (перевод Н. Славятинского).

Между тем сцена убийства Валленштейна Шиллером описана, но в другой его книге — «Тридцатилетняя война» (1791), подготовившей¹⁸ появление драматургической трилогии (в России первое издание этого труда состоялось в 1815 году [Шиллер 1815]). Источник и смысл пушкинской шутки, по нашему предположению, кроются именно в этом описании.

Вот оно:

Деверу со своими подручными уже вломился в комнату. В одной рубашке, как вскочил с постели, Валленштейн стоял у окна, прислонясь к столу. «Так это ты, негодяй, задумал предать врагу войско императора и сорвать корону с главы его величества? — кричит Деверу. — Умри же!» Он помедлил минуту-другую, как бы дожидаясь ответа. Но изумление и надменность замыкают уста герцога. *Широко раскинув руки*¹⁹, принимает он смертельный удар в грудь и безмолвно падает, обливаясь кровью [Шиллер 1955: 377].

Позволим себе повторить приведенную выше фразу из «Записок о Пушкине» Даля, выделив теперь другое пространство текста, повторяющее по смыслу выделенное нами в цитате из Шиллера: «А он (продолжал Артюхов, *раскинув руки врознь, как на кресте*), — а он только

¹⁷ Труп камердинера, защитника покоя герцога. — *И. С.*

¹⁸ Представляется значимой параллель между двумя парами текстов — научно-исторической и художественной природы — у Шиллера и Пушкина: названным выше текстам Шиллера можно уподобить «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку». Однако такая параллель не касается нашего теперешнего вопроса.

¹⁹ В оригинале: «Die Arme weit auseinander breitend» (*нем.*).

раскинет крылья, головку набок — замрет на воздухе, умирая, как Брут!»

В это описание Шиллер вводит деталь, передающую не столько, конечно, изумление герцога Валленштейна, сколько его надменность и презрение к убийцам. Раскинутые руки (как и накинута Цезарем на голову тога) означали отказ от всякой самозащиты, неустрашенность подступившей смертью, непротивление Судьбе. Именно так — с гордо поднятой головой и раскинутыми на уровне плеч руками — изображат Валленштейна перед убийцами на гравюрах в середине XIX века В. Кампгаузен и А. Л. Рихтер, а в венском издании 1836 года такая гравюра была вынесена прямо на авантитул²⁰.

Эта деталь была известна современникам Валленштейна. Испанский историк Х. М. Усунарис приводит сообщения об этом убийстве, разосланные дипломатом и писателем Диего де Сааведра Фахардо²¹ спустя несколько дней после трагического события. В ту эпоху во мнении многих, пишет Усунарис,

убить Валленштейна означало убить еретика, убить дьявола. А потому не вызывают удивления слухи, окружавшие смерть герцога. Тот же Сааведра, в письме кардиналу-инфанту от 8 марта 1634 г., писал из Браунау: «Граф Галассо пишет графу Алдрингену, что ирландский полковник Батлер отрубил головы соратникам Фридландца за ужином и что, подойдя к его покоям, он обнаружил их закрытыми и, взломав двери, вошел в комнату Фридландца, который встал и попытался открыть окно, чтобы выпрыгнуть из него. Убедившись, что оно закрыто, он повернулся к Батлеру, который накинулся на него с алебардой, и, *раскинув руки* и ничего не говоря, дождался раны, из которой вышло большое количество дыма, а звук был, как из выстрелившего мушкета [Усунарис: 148—149].

²⁰ См.: [Geschichte...].

²¹ *Диего Сааведра* (исп. Diego de Saavedra y Faxardo; 1584—1648) — испанский писатель и государственный деятель, доктор права. Служил посланником при многих европейских дворах.

А вот описание этого события, данное Н. Славятинским, переводчиком и исследователем трилогии Шиллера: Валленштейн,

бросившись к окну, в одно мгновение, когда в его сознании слитно, нерасторжимо пронесется вся его великая и грозная жизнь, поймет все и, *раскинув руки*, мужественно, как подобает герою поистине высокой трагедии, примет смертельный удар в грудь [Славятинский: 493].

4

Вопрос об употреблении в пушкинском письме шиллеровского образа восходит к более значимому вопросу о степени глубины и характере творческих связей Пушкина и Шиллера. Эти связи не были ни многочисленны, ни наглядны. Пушкин

несомненно знал основные произведения Шиллера по многочисленным русским и французским переводам, по откликам в европейской и русской печати; при этом, однако, он не проявлял в целом особого, направленного интереса к автору «Идеалов» («Die Ideale», 1795) и «Резиньяций» («Resignation», 1786) — произведений немецкой философской лирики, оставивших глубокий след в русской поэзии первой четверти XIX в. Лишь на уровне отдельных мотивов и созвучий можно говорить о связи между двумя поэтами, которая в большинстве случаев носит опосредованный характер, —

утверждают авторы статьи о Шиллере в «Материалах к “Пушкинской энциклопедии”» [Данилевский, Коренева: 388—389]. В таком же, по преимуществу предположительном, ключе рассматривается этот вопрос в монографиях Р. Данилевского [Данилевский] и С. Кибальника [Кибальник].

Путиами, по которым первоначально могли дойти до него темы, сюжеты, мотивы, стилистические элементы из произведений немецкого поэта, были, очевидно, следующие: анакре-

онтическая поэзия и ее модификации в творчестве лицейских поэтов и вообще русских современников; элегия, в особенности русская, связанная с Жуковским, а также шиллеровские переводы и переложения Жуковского <...> шиллеровские спектакли; наконец, непосредственно Шиллер — во французских переводах и в подлиннике с устными комментариями лицейских друзей и Кюхельбекера в первую очередь [Данилевский: 177].

К драматургии Шиллера Пушкин проявлял интерес в период создания своего «Бориса Годунова». Пьесы из трилогии о Валленштейне были среди книг Пушкина — и на русском, и на французском языках. По словам С. Шевырева, «Шекспира (а равно Гёте и Шиллера) он не читал в подлиннике, а во французском старом переводе, поправленном Гизо, но понимал его гениально» (цит. по: [Майков: 330]).

22–23 апреля 1825 года Пушкин из Михайловского просит брата Льва Сергеевича о присылке «Oeuvres dram.<atiques> de Schiller» [Пушкин: XIII, 163], а 21 января 1826 года получает их из Петербурга, вместе с другими, от П. Плетнева с письмом: «Вот тебе, радость моя, и книги. Письма de Junius заплатил я 15 руб., Театр de Schiller 40 р., да его мелкие стихотворения особо 8 руб. Итак нынешняя посылка собственно для тебя стоит 63 рубля» [Пушкин: XIII, 255]. Эти издания зафиксированы в составе книг Михайловской библиотеки поэта²². Под № 40 в ее реконструированном каталоге указывается «Oeuvres dramatiques de F. Schiller, trad. de l'Allem., precedées d'une notice biographiques et littéraire sur Schiller. Paris 1821». В четвертом томе этого шеститомника in octavo была помещена драматургическая трилогия о Валленштейне.

Осенью 1831 года А. Шишков 2-й прислал Пушкину два тома своих переводов из четырехтомного издания «Избранный немецкий театр» (в состав первого [*Избранный...*] вошли переводы «Пикколомини» и «Смерти Вал-

²² [Лобанова: 30–31]. См. № 34, 40, 41, 42.

ленштейна»). «Надеясь на твое снисхождение к трудам моим, милый мой Александр Сергеевич, посылаю тебе 1 том моих переводов; второй же доставлю с первой почтой. Прими его: порой он напомнит тебе товарища детских лет твоих и отчасти бурной молодости» [Пушкин: XIV, 231], — так начинал он сопроводительное письмо от 6 октября 1831 года. Б. Модзалевский описал в составе пушкинской библиотеки все четыре тома²³.

Ф. Глинка «Военную песню из Валл.<енштейнова> Лагера» в переводе своей жены прислал Пушкину в письме от 28 ноября 1831 года [Глинка].

И все же если присутствие шиллеровских драм о Валленштейне в библиотеке Пушкина несомненно, то мы не можем сказать с уверенностью о знакомстве нашего поэта с историческим трудом Шиллера о Тридцатилетней войне, содержащим пластическое описание поведения герцога Валленштейна в последние мгновения перед смертью. Утверждать можно лишь то, что этот труд к моменту написания Пушкиным письма к Перовскому уже два десятилетия существовал в русском переводе и три — в нескольких французских, успел стать частью русской культуры, утвердиться в сознании русских читателей. А значит, и сам образ удачливого, богатого и могущественного Валленштейна, сверявшего свою судьбу со звездами и величаво встретившего смерть, занял заметное место в культурном пантеоне России пушкинской эпохи. Был он, конечно, известен и Пушкину.

«Quant à la patience, j'aurais voulu vous voir consulter les sources où Karamsine a puisé, aulieu de vous en tenir à son seul récit. N'oubliez pas que Schiller fit un cours d'astrologie avant d'écrire son Wallenstein» [Раевский-сын: 172—173] («Если же говорить о терпении, то я хотел бы, чтобы вы сами обратились к источникам, из которых черпал Карамзин, а не ограничивались только его пересказами. Не забывайте, что Шиллер изучил астрологию, перед тем как написать своего “Валленштейна”»), — так Н. Раевский-

²³ См.: [Модзалевский 1910], № 427.

сын обосновал в письме от 10 мая 1825 года свой призыв к Пушкину обращаться к историческим источникам при написании «Годунова». Нам думается, что само совместное упоминание шиллеровского героя и астрологии может свидетельствовать о знакомстве и автора, и адресата этого письма с судьбой и кончиной Валленштейна.

Из близкого окружения Пушкина с «Историей Тридцатилетней войны» могли быть знакомы в первую очередь Кюхельбекер, Жуковский, Карамзин... Возможно, наконец, и то, что эффектный предсмертный жест Валленштейна передавался между пушкинскими современниками подобно курьезным случаям и анекдотам из пушкинского же «Table talk». С весьма малой долей вероятности можно даже допустить, что имя Валленштейна было произнесено при исполнении монолога самим Артюховым и запомнено Пушкиным, но осталось не расслышанным и/или не зафиксированным в «Записках о Пушкине» В. Далема.

Итак, мы можем высказать уверенное предположение о том, что Пушкин, основываясь на эпизоде из «Истории Тридцатилетней войны» Шиллера, спародировал в своем письме к Перовскому жестикуляцию Артюхова (употребив оным «Валленштейн») и эмоциональную атмосферу его яркого монолога (оним «Кесарь»), с помощью которых тот рисовал дорогому гостю облик гордой птицы, умирающей в воздухе с раскинутыми крыльями. Пушкинский каламбур рожден не в насмешку над мнимым невежеством оренбуржца Артюхова (как может показаться, если читать «сравнивает с» как «путает с»), а в развитие его артистичного, пронизанного самоиронией монолога («сравнивает с» у Пушкина здесь означает «пафосно, но юмористически уподобляет»). В одном и том же полном артистизма жесте Артюхова, изображающего славную гибель вальдшнепа, Даль увидел мужество Брута (Цезаря?), Сократа, Сцеволы и Сусанина, а Пушкин — мужество Кесаря и жест Валленштейна, раскинувшего руки перед убийцами, перед самой судьбой.

Даль сохранил и передал нам картину их диалога, а сверх того — пушкинские слова из ответного письма, четырежды рассказав о них как о шуточных и забавных, но ни разу не дав понять, что смысл каламбура известен ему.

Нам осталось рассмотреть еще два важных вопроса, связанных и с этим пушкинским каламбуром, и между собой. Почему же в письме к Перовскому отсутствует имя Артюхова? Оно было забыто и пропущено — или не впущено в письмо?

Даль в «Записках о Пушкине» это обстоятельство констатирует, не объясняя: «Пушкин расхохотался и, прислав ему через год на память “Историю Пугачевского бунта”, написал: “Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном”». Не объясняется это и в рассказе «Болгарка».

Однако по прошествии почти трех десятилетий после визита Пушкина в Оренбург, в 1860 году, в записи П. Бартенева слова Даля о тех событиях прозвучат так²⁴:

В Оренбурге был инженерный майор какой-то / ²⁵ необыкновенный балагур, самый веселый рассказчик и охотник. У него была отличная баня, куда Даль и повел Пушкина. После мытья, в роскошный предбанник явился сам хозяин и стал потешать гостя своими розсказнями и прибаутками.

«Вы стреляете уток?» спросил его Пушкин. — «Как уток!» воскликнул с притворным гневом майор, «чтобы я стал охотиться за такой дрянью! Утку убьешь, она так и шлепнется прямо в грязь. Нет, мы ходим за востроносыми; того подстрелишь, он распластает крылья и умирает на воздухе как Брут». Пушкин очень хохотал этому, и впоследствии, посылая Перовскому экземпляры Пугачевского бунта и, *смешав собственное имя* писал: «Отдайте один экземпляр майору, который смешивает Валенштейна с вальдшнепом» [*Рассказы... 22*].

«Смешав собственное имя» здесь, скорее всего, употреблено Далем в значении «запомню имя Артюхова», «не будучи уверенным в точности своей памяти». То же объяснение, уже впрямую, Даль помещает и в рассказе

²⁴ Приводится с сохранением пунктуации и особенностей правописания.

²⁵ Сноска в цитируемой публикации: «Оставлено место для фамилии».

«Охота на волков»: «...Пушкин, познакомься с ним в Оренбурге и попарившись у него в бане с расписанным охотою передбанником, прислал ему после своего Пугачева, но *забыв прозвание его*, написал: “Тому офицеру, который сравнивал вальдшнепа с Валенштейном”»²⁶ [Даль: IV, 331].

Вопрос о причине отсутствия «прозвания»²⁷ Даль видел; и отвечал на него тем, что Пушкин просто забыл фамилию Артюхова²⁸. Однако такое предположение²⁹ — не единственное возможное в этой ситуации.

Мы, конечно, не можем признать вовсе невероятным ход событий, при котором Пушкин, проведя в Оренбурге и Уральске примерно одинаковое время, привел в письме фамилию уральца Покатилова, но фамилию оренбуржца Артюхова забыл. Однако гораздо более вероятным мы считаем обозначение оренбургского «охотника» намеренным и изящным перифразом, создающим возможность необыкновенного, сложно организованного каламбура — даже в кратком письме. Нельзя недооценивать свидетельства И. Семенко: «Автографы пушкинских писем, их многочисленные черновики показывают, с какой тщательностью Пушкин обрабатывал свои письма, как сознательно стремился к простоте, которая была не плодом небрежности, а плодом тщательнейшей стилистической работы» [Семенко: 404].

Итак, нам представляется, что Пушкин в письме опустил фамилию Артюхова намеренно, заместив ее каламбу-

²⁶ Авторская пунктуация сохранена.

²⁷ В этом значении Даль слова «фамилия» не употреблял.

²⁸ Убеждение в забывчивости Пушкина перешло, даже усилясь, и к В. Вересаеву, перелагающему этот эпизод: «Пушкин расхохотался. Через год он прислал Артюхову свою “Историю пугачевского бунта” и, забыв, с кем сравнивал Артюхов умирающего вальдшнепа, написал на книге: “Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном”» [Вересаев: 413]. Тогда получается, что Пушкин запомнил уже два факта: назвал Артюхова офицером, а «Брут» запомнил как «Валленштейн»...

²⁹ Такого же мнения был и Б. Модзалевский: «Имя охотника, “что вальдшнепов сравнивал с Валленштейном или Кесарем”, Пушкин в письме своем не назвал: он его, без сомнения, позабыл» [Модзалевский 1922: 27].

ром — перифрастически обозначая охотника по самому яркому, пафосному его жесту. Будучи названа, фамилия позволила бы приложить к ней не каламбур-примету, но лишь каламбур-оценку, причем незаслуженно негативную («Артюхову, который сравнивает...»); и Пушкин, строя фразу, выбрал меньшую бестактность из двух — обозначив Артюхова перифразом. Имен Перовского и Даля Пушкин забыть не мог никак, но нелегко поверить и в то, что яркий и обаятельный, словоохотливый и гостеприимный Артюхов стал единственным (по крайней мере, в той поездке по пугачевским местам) человеком, чью фамилию пушкинская память не сохранила. Причина мнимой забывчивости могла быть и стилистического свойства. И здесь — второй вопрос: как построен этот каламбур Пушкина?

Без легкого, острого и ненапрянутого каламбура нельзя представить ни поэзию, прозу и драматургию Пушкина, ни его эпистолярный; изучению приема каламбура у Пушкина посвящены многочисленные лингвистические работы³⁰. Однако каламбур о вальдшнепах и Валленштейне (не затронутый ни в одной из них) своей глубиной и изяществом уникален даже для Пушкина. В нем соединены два различных способа создания каламбура.

1. Двучленный каламбур, основанный на паронимическом или паронимазийном сближении неблизких объектов, применялся Пушкиным нередко.

Варлаам (Григорию). Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь? («Борис Годунов»)

Осуждают очень мундиры — бархатные, шитые золотом, особенно в настоящее время, бедное и бедственное (дневниковая запись от 27 ноября 1833 года) [Пушкин: XII, 314].

Ах, мой милый, вот тебе каламбур на мой анекдот: друзья хлопочут о моей жиле, а я об жилье. Каково? (Из письма к П. Вяземскому от 13 сентября 1825 года) [Пушкин: XIII, 227]

³⁰ См.: [Ходакова 1964], [Ходакова 1977], [Санников], [Ковалев] и др.

2. Построение каламбуров на сближении/отталкивании русских и иноязычных (как правило, французских) речевых единиц Пушкиным также использовалось не единожды.

В Петербурге жила некая княгиня Наталья Степановна и собирала у себя *la fine de la société*; но Пушкина не приглашала, находя его не совсем приличным. Пушкин об ней говорил: «Ведь она только так прикидывается, в сущности она русская *труперда* и *толгёга*; но так как она все делает по-французски, то мы будем ее звать: *la princesse-tolpege*».

*

Княгиню Е. К. Воронцову Пушкин звал *la princesse belvetrille*. Это оттого, что однажды в Одессе она, глядя на море, твердила известные стихи:

Не белеют ли ветрила,
Не плывут ли корабли? [А. Россет, К. Россет: 347]

Р., встретив однажды человека весьма услужливого, сказал ему: Вы простудитесь, на дворе сыро, мокро (*maquereau*)³¹ («<Из записной книжки, 1820—1823>») [Пушкин: XII, 304].

Стоит оговориться: слово «вальдшнеп» в начале XIX века уже не звучало как иноязычное, находилось в активном употреблении в русском языке³², хотя в словаре языка Пушкина оно (как «вальшнеп») встречается лишь один раз, и именно в этом письме [*Словарь...* 204]. Оним

³¹ Сводник (*франц.*).

³² Так, С. Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» оперирует именно этим названием: «Досадно, что мы не имеем для этих куликов своих русских названий и употребляем одно французское и три немецкие. Впрочем, народ зовет бекаса диким барашком, о чем было сейчас сказано, а вальдшнепа — лесным куликом и красным куликом. Печатно называют последнего — слука и говорят, что это название древнее и доньше живущее в народной речи на юге России. Я этого не знаю, но смело утверждаю, что в средней и восточной полосе России народ не знает слова — слука» (глава «Разделение дичи на разряды») [Аксаков: V, 255—256].

же *Валленштейн*, несмотря на распространение в это же время среди русской читающей публики драматургической трилогии и «Истории Тридцатилетней войны» Шиллера, звучал как внеположный русской жизни.

Итак, необычность каламбура из письма к Перовскому состоит уже в совмещении двух разных способов его создания, самих по себе распространенных в пушкинской палитре комических приемов: 1) паронимазии и 2) игры со звучанием русских и иноязычных слов. Но подлинная его оригинальность, как нам видится, лежит еще глубже.

Говоря вообще, каламбур как прием протягивает новые и неожиданные смысловые связи между двумя объектами — то могут быть личности, явления, процессы и т. д. — посредством сопоставления и/или столкновения их языковых «оболочек», проекций. В этом смысле бытие каламбура подобно театру теней: воображаемо соприкасаются не сами актеры или предметы, но их тени-образы³³. Неожиданное сближение может противопоставлять два объекта, а может и уподоблять — по не видимому ранее признаку, потому он всегда и неожидан.

По природе своей каламбур — явление языковое, языковыми способами связывающее языковые единицы. Описываемый пушкинский каламбур необычаен своей двухуровневой природой: прочесть его полностью можно, лишь перейдя с уровня языкового вглубь, на уровень жестов, чье совпадение и создало самую возможность пушкинского *bon mot*.

На языковом, фоническом уровне каламбур создается паронимастическим совпадением начальных слогов [вал'] с близким последующим [ш]; оно заставляет предположить комическую ситуацию, в которой некий простак «сравнивает вальдшнепов с Валленштейном» — то есть «путает одно с другим». На этом, внешнем уровне пушкинский юмор менее креативен, чем на глубинном, — здесь комизм не сотворен, а только подмечен и оставлен для маркировки

³³ Не это ли имел в виду Ю. Тынянов, утверждая: «Как уничтожается каламбур, когда мы его поясняем, переводим на быт, так в рисунке должен уничтожиться главный стержень рассказа» [Тынянов: 314].

перехода вглубь, на уровень пантомимический, где и лежит основное содержание остроты. Фонетическое созвучие включается Пушкиным во фразу не как самостоятельный каламбур, но как аллитерационная метка настоящего каламбура — как поворотный знак на дороге, указывающий на цель, но ею никак не являющийся.

Е. Ходакова в статье «Каламбуры у Пушкина и Вяземского» задает классификацию способов создания каламбуров, оказывающуюся общей для двух поэтов и остро-словов, а в сущности и единой для этого стилистического приема вообще. Мы хотим отметить один из названных ею способов, в сходстве и различии с которым полнее проявится уникальность описываемого нами каламбура из письма Пушкина к Перовскому.

Встречаются у Пушкина и Вяземского развернутые каламбуры, когда один каламбур нанизывается на другой, и, таким образом, в контексте получается целая цепь каламбуров. При этом писатели основываются не только на каком-либо языковом явлении, но создают намеки, выходящие за рамки прямых словесных ассоциаций и заставляющие вспомнить о связанном со словом понятии (по основному признаку или дополнительному), о самом предмете, явлении, человеке и т. п. (его основном свойстве или второстепенном, не главном), об особенностях ситуации и т. д.

Например, в письме А. А. Дельвигу от 4 ноября 1830 г. Пушкин пишет: «Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов». — Здесь представлен ряд каламбуров. Пушкин начинает с столкновения двух значений слова барон — 'дворянский титул' и 'владельческий феодал', играя на том, что адресат (А. А. Дельвиг) — барон и «владелец» альманаха. Посылаемые ему стихи Пушкин называет цветочной вассальской податью, поскольку предназначает их для издававшегося Дельвигом альманаха «Северные цветы». Далее, иронически называя ноябрь (дата отправления стихов) порою цветов, автор создает другой план восприятия слова «цветочный», соотнося его с номинативным значением слова «цветок» [Ходакова 1964: 320–321].

В этом пушкинском каламбуре развитие, прирастание смысла достигается развертыванием «по горизонтали» — добавлением самостоятельных каламбуров, хотя и на одну, выбранную поводом тему. Двухслойный же каламбур о вальдшнепах и Валленштейне тоже возникает и познается в движении смысла, но не прибавлением новых каламбуров, а отсылкой «по вертикали» вглубь, к первичному, исходному каламбуру, предопределившему собой само появление видимого (а также и слышимого) вторичного, — от вербального плана к невербальному. Подобие слов оказывается образом, маской, укрывающей под собою подобие жестов, но и порожденной их исходным импульсом.

Уподобление жестов Артюхова и Валленштейна было надстроено его, каламбура, фоническим оформлением, соположением двух иноязычных по происхождению слов с общим начальным слогом. Вспомним, что Артюхов (согласно Далю) назвал птицу двояко: «Кто-с? разумеется кто: слука, вальдшнеп», допустимым было бы и обозначение «лесной кулик». Появление каламбура позволяет и диктуется выбором в качестве первого сопоставляемого элемента именно слова «вальдшнеп», созвучного фамилии полководца.

Традиционный каламбур строится на языковой почве, основывается на игре вербально выраженных смыслов. В нашем же случае изначальный повод для каламбура невербален: элементами сопоставления становятся телесные позы, принимаемые в момент славной смерти птицей (вальдшнепом) и человеком (Валленштейном).

Увы, мы можем только предполагать, прочитал ли об этом жесте Валленштейна Пушкин в шиллеровской «Истории Тридцатилетней войны», услышал ли в пересказе от кого-то из знакомых и увидел его в ходе этого пересказа. Мы также не можем знать, когда к Пушкину пришла идея этого каламбура: сразу ли, в ходе диалога с Артюховым, в ближайшие следующие ли дни, через большее ли время между разговором в оренбургской бане и написанием письма Перовскому в Петербурге, либо одновременно с рождением этих кратких строк. Однако самим своим обликом каламбур позволил нам достаточно уверенно восстановить этапы его возникновения и оформления.

Анализируемый нами каламбур может быть увиден и как случай метризованной прозы. Автор единственного известного нам исследования, специально посвященного этому вопросу, Ю. Орлицкий, в статье «Силлабо-тонический метр в эпистолярной Пушкина (К постановке проблемы)» подмечает интересную разницу в степени присутствия фрагментов метризованной прозы между пушкинскими письмами официальными и неофициальными³⁴: «...наиболее метризованными оказываются бытовые письма поэта, адресованные к его близким <...> В деловых письмах метр встречается значительно реже и, как правило, вычленяется с трудом, очевидно, следует констатировать, что Пушкин, следуя общим канонам делового письма, следит в их числе и за тем, чтобы речь была неметричной» [Орлицкий: 25]. Наличие такого рода элемента даже в кратком письме лишней раз подтверждает, в таком случае, близкие дружеские отношения между Пушкиным и Перовским.

Но главное мы видим в том, что метризован именно каламбурный отрезок текста письма:

И то|му о|хотни|ку, что| вальшнепов
Сравни|вает| с Валле|н|штейном| или| с Кесарем.

Два хореических стиха (в первом — пять стоп, во втором — шесть) оканчиваются торжественными дактилическими клаузулами.

Конечно, было бы излишне категоричным утверждение о несомненности метрической организации этого каламбура, и эту оговорку мы сделаем вместе с Ю. Орлицким:

³⁴ Весьма примечательно сходство этого наблюдения с утверждением Е. Ходаковой, касающимся той же разницы в применении к каламбурам: «У Пушкина большая часть употребления каламбуров приходится на шуточные письма, адресованные друзьям и родным <...> Применяется этот прием также в критических и публицистических статьях в контекстах разговорного или шуточно-иронического характера, в собраниях анекдотов, в автобиографических записках. В художественной прозе каламбуры крайне редки» [Ходакова 1964: 294].

...мы ни в коей мере не предполагаем появление тех или иных стихоподобных образований в прозе Пушкина явлением авторски осознанным и тем более целенаправленным — в частности, это показывает и само терминологическое наименование изучаемых отрезков случайными метрами. Тем не менее подобное изучение нам представляется вполне закономерным, так как позволяет описать некоторые интуитивные творческие механизмы, неизбежно работающие в целостной системе художественного мира писателя [Орлицкий: 24].

Точно так же мы не беремся объяснять чем-то кроме совпадения и два, тоже хореических, стиха в окончании этого письма:

До свидани|я, в сте|пях
или |над У|ралом.

Знаменитую фразу «Бывают странные сближения» из пушкинской «Заметки “О графе Нулине”» Ю. Лотман комментирует так: «“Странными сближениями” и повторяемостью сцеплений “мелких” и “великих” событий, о чем писали Стерн и Плутарх, видимо, и объясняется постоянный интерес Пушкина к приметам» [Лотман 1995: 338]. Продолжим это наблюдение в сторону столь распространенных у Пушкина каламбуров: примета — знак неясных законов, управляющих мирозданием, но создатель каламбура сам выстраивает свой мир, осваивает его, сближая далекое и разводя близкое.

Перед нами предстала редкая разновидность каламбура: масочный, двухуровневый каламбур. Созвучие вальдшнепов с Валленштейном возникло случайно, «на двух концах охотничьего жеста» (скаламбури́м уж и мы): пушкинская наблюдательность отождествила жест оренбургского охотника с жестом европейского полководца XVIII века, а при этом оказалось, что родовое название изображенной охотником птицы созвучно фамилии полководца — их Пушкин поднял на вербальный уровень и сомкнул там. Однако этой пушкинской шутке из одиннадцати слов удивительно не повезло: со дня ее рождения никто не видел ни глубинного, ни даже внешнего ее смысла. Похоже, что только те-

перь она вызывает первые улыбки — у автора и читателей этой скромной статьи.

Литература

Аксаков С. Т. Собр. соч. в 5 тт. Т. 5. СПб.: Типо-лит. т-ва «Промышление», 1910.

Аксаков С. Т. Указ. изд. Т. 6. 1910.

Бикмуллин А. Х. Вальдшнепиный глаз // Охотничьи просторы. 2001. № 3 (29). С. 52—62.

Вересаев В. Спутники Пушкина. В 2 тт. Т. 2. М.: Советский писатель, 1937.

Глинка Ф. Н. Письмо Пушкину А. С., 28 ноября 1831 г. Тверь // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 16 тт. Т. 14. Переписка, 1828—1831. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 244.

<*Даль В. И.*> Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. М.: В Университетской тип., 1862.

Даль В. И. Охота на волков // *Даль В. И.* Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского) в 10 тт. Т. 4. СПб.—М.: Изд. т-ва М. Вольф, 1897—1898. С. 328—347.

Даль В. И. Болгарка // *Даль В. И.* Указ. изд. Т. 7. 1897—1898. С. 105—134.

Данилевский Р. Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб.: Пушкинский Дом, 2013.

Данилевский Р. Ю., Коренева М. Ю. Шиллер // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 19/20. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб.: Наука, 2004. С. 388—389.

Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1839—40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873.

Ивонин Ю. Е. Альбрехт Валленштейн // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 48—77.

Из неизданных материалов для биографии Пушкина. Записки В. И. Даля / Публ. Н. О. Лернера // Русская старина. 1907. Вып. 10. Т. 132. С. 63—67.

Избранный немецкий театр / Перевод Александра Шишкова 2-го. В 4 тт. Т. 1. М.: В Университетской тип., 1831.

Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л.: Наука, 1990.

Ковалев Г. Ф. Ономастические каламбуры А. С. Пушкина // Русская речь. 2006. № 1. С. 3—8.

Лобанова Э. Ф. Михайловская библиотека Пушкина: Попытка реконструкции каталога. М.: МЦНТИ, 1997.

Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Вступ. ст. Б. Ф. Егорова. СПб.: Искусство-СПБ, 1995.

Лотман Ю. М. Новые материалы о начальном периоде знакомства с Шиллером в русской литературе // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 9—51.

Луганский В. <Даль В. И.> Два рассказа или Болгарка и Подольянка // Московский наблюдатель. 1837. № 7. Кн. 1. С. 5—40.

Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1899.

Матвиевская Г. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: Монография. М.: Академия Естествознания, 2016.

Махун С. Звездное небо Эгера, или Смерть по гороскопу // Зеркало недели. Украина. 2016. 8 апреля.

Михайлова Н. И. К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л.: Наука, 1986. С. 150—153.

Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910.

Модзалевский Б. Л. Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг.: Госиздат, 1922. С. 18—30.

Овчинников Р. В. «...И тому охотнику» // *Овчинников Р. В.* За пушкинской строкой. Челябинск: Челябинское кн. изд., 1988. С. 69—85.

Орлицкий Ю. Б. Силлабо-тонический метр в эпистолярной Пушкина (К постановке проблемы) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6. С. 23—30.

Плутарх. Брут / Перевод С. П. Маркиша // *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 2 тт. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 474—505.

Плутарх. Цезарь / Перевод Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова // *Плутарх.* Указ. изд. Т. 2. С. 164—202.

Пушкин А. С. Указ. изд. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949.

Пушкин А. С. Указ. изд. Т. 13. Переписка, 1815—1827. 1937.

Пушкин А. С. Указ. изд. Т. 14. Переписка, 1828—1831. 1941.

Пушкин А. С. Указ. изд. Т. 16. Переписка, 1835—1837. 1949.

Пушкин: Письма последних лет, 1834—1837 / Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1969.

Раевский-сын Н. Н. Письмо Пушкину А. С., 10 мая 1825 г. Белогородка или Белая Церковь // *Пушкин А. С.* Указ. изд. Т. 13. Переписка, 1815—1827. 1937. С. 172—173.

Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах / Вступ. ст. и прим. М. Цявловского. Л.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.

Россет А. О., Россет К. О. Из рассказов про Пушкина, записанных П. И. Бартевым // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. В 2 тт. Т. 2. СПб.: Академический проект, 1998. С. 346—350.

Санников В. З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. М.: Языки русской культуры, 1999.

Семенко И. М. Письма Пушкина // *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. Письма 1815—1830. М.: ГИХЛ, 1962. С. 389—407.

Семенов В. Г., Семенова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург: Оренбургское кн. изд. имени Г. П. Донковцева, 2017.

Славятинский Н. А. О «Валленштейне» Шиллера // *Шиллер Ф.* Валленштейн. Драматическая поэма / Перевод с нем. Н. Славятинского. М.: Наука, 1980. С. 461—535.

Словарь языка Пушкина. В 4 тт. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. Т. 1. А—Ж. М.: Азбуковник, 2000.

Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге // Пушкин и его современники. Вып. 23—24. Пг., 1916. С. 67—100.

Тынянов Ю. Н. Иллюстрации // *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 310—318.

Усунарис Х. М. Дискурс и праксис в государственных интересах: убийство Валленштейна (1634) в испанских хрониках и донесениях о событиях // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 140—151.

Ходакова Е. П. Каламбуры у Пушкина и Вяземского // Обращение новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М.: Наука, 1964. С. 285—333.

Ходакова Е. П. Словесная игра у Пушкина // Русская речь. 1977. № 3. С. 33—38.

Шиллер Ф. История тридцатилетней войны. Сочинение Фридриха Шиллера. <В 4 ч.> Ч. 1 / Перевод с нем. СПб.: В тип. Правительствующего Сената, 1815.

Шиллер Ф. Тридцатилетняя война / Перевод А. Горнфельда // *Шиллер Ф.* Собр. соч. в 7 тт. Т. 5. Исторические сочинения. Статьи. М., 1955. С. 9–398.

Geschichte des dreyßigjährigen Krieges. Wien: Lechner, 1836.

Bibliography

Aksakov S. T. Collected works in 5 vols. Vol. 5: Zapiski ruzheynogo okhotnika Orenburgskoy gubernii [Notes of a Rifle Hunter of the Orenburg Province]. St. Petersburg: Tipo-lit. t-va 'Prosveshchenie', 1966.

Aksakov S. T. Collected works in 5 vols. Vol. 6. 1910.

Bikmullin A. Kh. Valdshnepiniy glaz [The Woodcock Eye] // *Okhotnichii prostory.* 2001. Issue 3 (29). P. 52–62.

<*Dal V. I.*> Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, zagadok, poveriy i proch. [Proverbs of the Russian People. A Collection of Proverbs, Sayings, Expressions, Bywords, Tongue-Twisters, Riddles, Superstitions, etc.]. Moscow: V Universitetskoy tip., 1862.

Dal V. I. Okhota na volkov [Wolves Hunting] // *Dal V. I.* Complete works of Vladimir Dal (Cossack Lugansky) in 10 vols. Vol. 4. St. Petersburg – Moscow: Izd. t-va M. Volf, 1897–1898. P. 328–347.

Dal V. I. Bolgarka [The Bulgarian Woman] // *Dal V. I.* Complete works. Vol. 7. 1897–1898. P. 105–134.

Danilevsky R. Y. Fridrikh Shiller i Rossiya [Friedrich Schiller and Russia]. St. Petersburg: Pushkinsky Dom, 2013.

Danilevsky R. Y., Koreneva M. Y. Schiller // *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Studies and Materials]. Vol. 19/20. Pushkin i mirovaya literatura. Materialy k 'Pushkinskoy entsiklopedii' [Pushkin and World Literature. Materials for *the Pushkin Encyclopaedia*]. St. Petersburg: Nauka, 2004. P. 388–389.

Geschichte des dreyßigjährigen Krieges. Wien: Lechner, 1836.

Glinka F. N. Pis'mo Pushkinu A. S., 28 noyabrya 1831 g. Tver' [Letter to Pushkin A. S., November 28, 1831. Tver] // *Pushkin A. S.* Complete works in 16 vols. Vol. 14. Perepiska, 1828–1831 [Correspondence, 1828–1831]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1941. P. 244.

Iz neizdannykh materialov dlya biografii Pushkina. Zapiski V. I. Dallya [From the Unreleased Materials for the Biography of Pushkin. Notes of V. I. Dal] / Publ. by N. O. Lerner // Russkaya starina. 1907. Vol. 131. P. 63–67.

Izbranniy nemetsky teatr [German Theatre: Selected Plays] / Translated by A. Shishkov the 2nd. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: V Universitetskoy tip., 1831.

Ivanov N. P. Khivinskaya ekspeditsiya 1839–40 gg. Ocherki i vospominaniya ochevidtса. Prakticheskie sovery otyezzhayushchim v stepi [Khiva Expedition of 1839–1840. Essays and Memoirs of an Eyewitness. Practical Advice for Those Going to the Steppe]. St. Petersburg: Tip. t-va ‘Obshchestv. polza’, 1873.

Ivonin Y. E. Albrecht Wallenstein // Voprosy istorii. 2003. Issue 1. P. 48–77.

Khodakova E. P. Kalambury u Pushkina i Vyazemskogo [Pushkin’s and Viazemsky’s Puns] // Obrazovanie novoy stilistiki russkogo yazyka v pushkinskuyu epokhu [The Formation of New Stylistics in the Pushkin Period]. Moscow: Nauka, 1964. P. 285–333.

Khodakova E. P. Slovesnaya igra u Pushkina [Wordplay in Pushkin’s Writing] // Russkaya rech. 1977. Issue 3. P. 33–38.

Kibalnik S. A. Russkaya antologicheskaya poeziya pervoy treti XIX veka [Russian Anthological Poetry of the First Third of the 19th Century]. Leningrad: Nauka, 1990.

Kovalev G. F. Onomasticheskie kalambury A. S. Pushkina [A. S. Pushkin’s Onomastic Puns] // Russkaya rech. 2006. Issue 1. P. 3–8.

Lobanova E. F. Mikhaylovskaya biblioteka Pushkina: Popytka rekonstruktsii kataloga [Pushkin’s Library in Mikhailovskoe: An Attempt to Reconstruct the Catalogue]. Moscow: MTsNTI, 1997.

Lotman Y. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Statii i zametki, 1960–1990; ‘Evgeniy Onegin’: Kommentariy [Pushkin: The Writer’s Biography; Articles and Notes, 1960–1990; *Eugene Onegin*: Commentary] / Foreword by B. F. Egorov. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB, 1995.

Lotman Y. M. Novie materialy o nachalnom periode znakomstva s Shillerom v russkoy literature [New Materials on the Initial Period of Acquaintance with Schiller in Russian Literature] // Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie [Studies in Russian and Slavic Philology. Literary Studies]. 4 (The new series). Tartu, 2001. P. 9–51.

Lugansky V. <Dal V. I.> Dva rasskaza ili Bolgarka i Podolyanka [Two Short Stories, or the Bulgarian Woman and Podolyanka] // Moskovskiy nablyudatel. 1837. No. 7. Book 1. P. 5–40.

Makhun S. Zvezdnoe nebo Egera, ili Smert' po goroskopu [The Starry Sky of Eger, or Death by the Horoscope] // *Zerkalo nedeli*. Ukraina. April 8, 2016.

Matvievskaia G. P. Orenburgskiy Neplyuevskiy kadetskiy korpus. Ocherk istorii: monografiya [The Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps. The Outline of History: A Monograph]. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya, 2016.

Maykov L. N. Pushkin: Biograficheskie materialy i istoriko-literaturnie ocherki [Pushkin: Biographical Materials and Historical and Literary Essays]. St. Petersburg: L. F. Panteleev, 1899.

Mikhaylova N. I. K istochnikam remarki 'Narod bezmolstvuet' v 'Boris Godunov' [On the Sources of the Remark 'The People are speechless' in *Boris Godunov*] // *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin Commission Yearbook]. Issue 20. Leningrad: Nauka, 1986. P. 150–153.

Modzalevskiy B. L. Biblioteka A. S. Pushkina. Bibliograficheskoe opisaniye [A. S. Pushkin's Library. Bibliographic Description]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1910.

Modzalevskiy B. L. Novinki pushkinskogo teksta po rukopisyam Pushkinskogo Doma [Novelties of the Pushkin Text. From the Manuscripts of the Pushkin House] // *Sbornik Pushkinskogo Doma na 1923 god* [Pushkin House Collection, 1923]. Petrograd: Gosizdat, 1922. P. 18–30.

Orlitskiy Y. B. Sillabo-tonicheskiy metr v epistolyarii Pushkina: (K postanovke problemy) [Syllabo-Tonic Meter in Pushkin's Epistolarly (A Problem to Discuss)] // *Izvestiya RAN. Literature and Language Series*. 1996. Vol. 55. No 6. P. 23–30.

Ovchinnikov R. V. '...I tomu okhotniku' ['...And for that hunter...'] // *Ovchinnikov R. V.* Za pushkinskoy strokoy [Behind Pushkin's Lines]. Chelyabinsk: Chelyabinskoe kn. izd., 1988. P. 69–85.

Plutarch. Brut [Brute] / Translated by S. P. Markish // *Plutarch.* Sravnitelnie zhizneopisaniya [Parallel Lives]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1994. P. 474–505.

Plutarch. Tsezar' [Caesar] / Translated by G. A. Stratanovskiy and K. P. Lampsakov // *Plutarch.* Sravnitelnie zhizneopisaniya [Parallel Lives]. Vol. 2. P. 164–202.

Pushkin A. S. Complete works. Vol. 13. Perepiska, 1815–1827 [Correspondence, 1815–1827]. 1937.

Pushkin A. S. Complete works. Vol. 14. Perepiska, 1828–1831 [Correspondence, 1828–1831]. 1941.

Pushkin A. S. Complete works. Vol. 16. Perepiska, 1835–1837 [Correspondence, 1835–1837]. 1949.

Pushkin: Pis'ma poslednikh let, 1834–1837 [Letters of the Last Years, 1834–1837] / Ed. N. V. Izmaylov. Leningrad: Nauka, 1969.

Raevsky-son N. N. Pis'mo Pushkinu A. S., 10 maya 1825 g. Belogorodka ili Belaya Tserkov' [Letter to Pushkin A. S., May 10, 1825. Belogorodka or the White Church] // *Pushkin A. S.* Complete works. Vol. 13. Perepiska, 1815–1827 [Correspondence, 1815–1827]. 1937. P. 172–173.

Rasskazy o Pushkine, zapisannie so slov ego druzey P. I. Bartenevym v 1851–1860 godakh [Memoirs about Pushkin by His Friends, Written down by P. I. Bartenev in 1851–1860] / Foreword and comments by M. Tsyavlovsky. Leningrad: Izd. M. i S. Sabashnikovych, 1925.

Rosset A. O., Rosset K. O. Iz rasskazov pro Pushkina, zapisannykh P. I. Bartenevym [From Memoirs about Pushkin Written down by P. I. Bartenev] // Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov [Reminiscences of Pushkin by His Contemporaries]. 3rd additional edition. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt, 1998. P. 346–350.

Sannikov V. Z. Russkaya yazykovaya shutka: Ot Pushkina do nashikh dney [Russian Puns: From Pushkin up to the Present Day]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999.

Schiller F. Istoriya tridsatiletney voyny. Sochinenie Fridrikha Shillera [The History of the Thirty Years' War. By Friedrich Schiller]. <In 4 parts>. Part 1 / Translated from German. St. Petersburg: V tip. Pravitelstvuyushchego Senata, 1815.

Schiller F. Tridsatiletnyaya voyna [The Thirty Years' War] / Translated by A. Gornfeld // *Schiller F.* Collected works in 7 vols. Vol. 5. Istoricheskie sochineniya. Statii [Historical works. Articles]. Moscow, 1955. P. 9–398.

Semenko I. M. Pis'ma Pushkina [Pushkin's Letters] // *Pushkin A. S.* Collected works in 10 vols. Vol. 9. Pis'ma 1815–1830 [Letters of 1815–1830]. Moscow: GIKhL, 1962. P. 389–407.

Semenov V. G., Semenova V. P. Orenburgskiy Nepluevskiy kadet-skiy korpus. Istoriya v litsakh [The Orenburg Nepluevsky Cadet Corps. Personalized History]. Orenburg: Orenburgskoe kn. izd. imeni G. P. Donkovtseva, 2017.

Slavyatinsky N. A. O 'Vallenshteyne' Shillera [On Schiller's *Wallenstein*] // *Schiller F.* Vallenshteyn. Dramaticheskaya poema

[Wallenstein. A Dramatic Poem] / Translated from German by N. Slavyatinsky. Moscow: Nauka, 1980. P. 461–535.

Slovar' yazyka Pushkina [The Dictionary of Pushkin's Language]. In 4 vols. / Ed. V. V. Vinogradov. 2nd additional edition. Vol. 1. A–Zh. Moscow: Azbukovnik, 2000.

Sokolov D. N. Pushkin v Orenburge [Pushkin in Orenburg] // Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and His Contemporaries]. Issue 23–24. Petrograd, 1916. P. 67–100.

Tinyanov Y. N. Illyustratsii [Illustrations] // *Tinyanov Y. N.* Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977. P. 310–318.

Usunaris Kh. M. Diskurs i praksis v gosudarstvennykh interesakh: ubiystvo Vallenshteyna (1634) v ispanskikh khronikakh i doneseni-yakh o sobytiyakh [Discourse and Praxis in the Public Interest: The Murder of Wallenstein (1634) in Spanish Chronicles and Reports] // New Philological Bulletin. 2014. Issue 2 (29). P. 140–151.

VeresaeV V. Sputniki Pushkina [Pushkin's Companions]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sovetsky pisatel, 1937.